ВОЛЯ №4

КОНФЕДЕРАЦИЯ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

МОСКВА 1.1.1990

Истосковавшись по продуктам питания и человеческому к себе отношению,опьяненные запахами"красиво гниющего" западного общества, мы как в бреду шепчем:"Многопартийность...правовое государство... парламент..." А не лучше ли, следуя совету английского философа Локка , "не поддерживать никакого предложения с большей уверенностью, нежели позволяют доказатедьства, на которых оно построено"?

Если участие в местном самоуправлении требует определенных знаний, известного опыта, то, казалось бы, что участие в такой сложной законодательной машине, какой является современный парламент, должно предъявлять спрос не только на "добрые намерения" депутата, но и на некоторые специальные познания с его стороны.

Ничуть не бывало! На самом деле, громаднейшее большинство политических днятелей начинает

Зеркало для ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

Впрочем, как оказалось, не все так уверены в рациональности этой формы "народного представительства". Сегодня, в противовес потокам сладких речей о пользе парламентаризма, мы предлагаем вам отрывок из книги незаслуженно забытого ныне автора - видного теоретика анархизма начала века, профессора Московского Университета Алексея Алексеевича БОРОВОГО.

"Парламентская сессия открыта. На скамьях парламента сидят "избранники народа", которым страна доверила блюсти ее многосложные, разнообразные интересы.

Кто же они - эти хозяева страны? Те, на которых она отдала столько времени, энергии, денег? Те, которым принадлежит последнее решающее слово по всем волнующим и подымающим народ вопросам?

Уже по одному тому, как их избирают, мы могли бы судить, что это - люди далеко не всегда популярные даже у себя в округах, которые посылают их от себя представителями. Популярность, как мы видим, создается беззастенчивой рекламой и щедростью партийных комитетов. Эти люди могут быть очень далеки от интересов представляемого ими места, они могут плохо знать его нужды, но это не является необходимым для них. Политический деятель должен знать нужды своей партии, должен уметь жить ее интересами и уметь облекать в парламенте постулаты в пышную оболочку общегосударственных задач.

только впервые проходить социально-политическую азбуку, находясь уже на скамьях парламента. Наоборот, те депутаты, - правда, незначительные числом, - которые получили специальную подготовку в форме государственно-политического или экономического образования, обычно незнакомы с реальными конкретными нуждами страны. Легко обращаясь в мире абстракций, способные создавать общие отвлеченные лозунги, они бессильны наполнить свои вялые формулы жизненным содержанием. Они творят для архивов, но не для жизни.

Но кто же, наконец, все эти дилетанты, призванные управлять страной?

Прежде всего - это многочисленные представители интеллигенции, давно монополизировавшей парламентские скамьи (...). От интеллигента, делащего политическую карьеру, не требуют широких или основательных сведений в какой-либо отрасли общественных знаний, он может быть глубочим профаном в наиболее важных вопросах государственной жизни, но он должен уметь или хорошо говорить, или хорошо писать, хорошо владеть одним искусством - быть идеологом людей, дославших бороться не за дело или правду, а за тех, кто его избрал. И интеллигенция в изобилии поставляет таких людей. Адвокаты, врачи людей и животных, педагоги разного рода, и, наконец, многочисленные и разнообразные представители литературного и журнального мира - таковы кадры современных политических бойцов. Между ними есть тонкие и блестящие юристы, талантливые доктора, большие ученые, выдающиеся писатели, положившие годы на добросовестное изучение своей специальности, составившие себе имя трудами в своей области и тем не менее, все они с удивительным легкомыслием бросают один свой адвокатский пюпитр, другой хирургический нож, когда открывается возможность попасть в парламент. Они не понимают или не хотят понять, что управление судьбами целого народа есть бесконечно более сложная отрасль знаний, чем та, которой до сих пор посвящали они свои силы.

Неудивительно,что парламентская работа любой страны поражает своим бесплодием рядом с колоссальной растратой сил народа.Проходят целые сессии, не принося с собой положительных результатов, время уходит на непрерывную болтовню, обсуждение мертворожденных проектов, закулисные интриги и партийные счеты (...).

...Теперь все знают цену парламентскому слову, но, по-прежнему, интеллигентские болтуны занимают доминирующее положение в парламенте (...).

Общеизвестно мнение Спенсера, что парламенты в общем крайне невежественны, что они, как правило, ниже среднего уровня страны, и в умственном и моральном отношении (...).

Умственное и моральное убожество парламента, конечно, объясняется не тем, что в него попадают лишь ублюдки нации; честолюбие, корыстные расчеты, дон-кихотство нередко бывают причиной появления в бесцветной толпе парламентариев крупных общественных талантов; но, в силу уже своей внутренней природы, парламент должен вступать в горячую борьбу со всем, что стремится вырваться из дурных стен партийной дисциплины; он нивелирует своих членов, оскопляет их проекты, уродует их поправками и разъяснениями.

Он позволяет говорить иногда о мировых проблемах, он дает иногда высказаться беспокойному духу какого-нибудь парламентского "несносного ребенка", - но все его решения умеренны, плоски, канцелярски-бездумны..."

(А.Боровой. Революционное творчество и парламент. Москва. "Союз Труда". 1917)

Меня интересует ЧЕЛОВЕК

Наши корреспонденты Максим Кучинский и Александр Шершуков встретились недавно с лидером группы "ДДТ" Юрием Шевчуком. Запись этой беседы мы предлагаем вашему вниманию.

Вначале разговор зашел об идеях анархизма и, в т.ч., о Конфедерации анархо-синдикалистов.

Ю.Ш.: "Как я к вам отношусь? Я вообще в этом плохо разбираюсь. Я не занимался теорией, дилетант в этих вещах, но, чисто по душе, я всегда знал, что батька Махно был великим человеком. Знал, что нам, как говорится, втирают по ушам. Я в это никогда не верил, потому что движение было, во-первых, целиком человеческое, т.е. политическим его, наверное, трудно назвать. Хотя это тоже политика... Я, еще раз повторяю, что политикой дал себе слово давным-давно не заниматься. Потому что художник (если он себя таковым считает) видит мир как-то иначе. То есть видит, конечно, так же, но он не считает, что политическими действиями можно изменить его к лучшему. Если бы он считал так, то он был бы не художником, а стал бы политиком. Художник остается художником. Для него есть Бог, Человек, Личность. Что такое творчество, как писал Бердяев, как не оправдание своей жизни перед Богом. Конечно, не творчество ради творчества - страна сейчас в жутком состоянии. То что вы есть - это, конечно, здорово... Наверное, я в душе анархист, потому что не верю в политические системы, в какую-то панацею, т.е. ни в социализм, ни в коммунизм... Мне нравятся ваши идеи, так как история показала - нельзя железной рукой установить демократию."

- Может быть, то что происходит - это эволюция человека?

Ю.Ш.:"Эволюция?... Не думаю, вообще боюсь таких слов. Человек как Творец, как Демиург, как Богу подобное существо, и единственное, что отличает его от животного мира - это способность творить. А любой художник знает, что прогресса в искусстве быть не может, его нет. И Вознесенский ничуть не умнее Пушкина - это тоже говорит о многом...

Любовь, радость, деторождение, печаль, труд, кровь, пот, мука, совесть - все это было всегда. И если я не верю, так я не верю в теорию эволюции по отношению к человеку. Все это бред, запутки...

Художнику, может быть, меньше всего нужна скорость в обыденном понимании времени и пространства. Он должен быть способен и обязан быть везде и всюду, быть Творцом. Ему не нужен автомобиль, чтобы все это понять, прочувствовать и пронести через себя...

Вы, наверное, чувствуете, что здесь очень много общего с анархизмом - это естество, мы говорим сейчас о естестве. И вот анархия, как я ее понимаю - это наиболее близкая к человеку идея, движение. Попытка разрешить проблему естественным путем..."

- Точнее - это попытка освободиться от навязанных схем, как впрочем, это случается и в искусстве...

Ю.Ш.: "По вашим словам выходит, что любого художника, едва родившись, можно считать анархистом. Правда в этом есть... Сейчас главное, что мы должны делать - это объяснить человеку, что он не скотина. Ситуация сложная еще и потому, что есть много людей, которые знают, что им надо есть, пить, спать, которые добиваются этого. И, действительно, они имеют на это право. Но за этим ничего не стоит. Человек у нас не умеет жить вместе, не умеет голосовать. Да и вообще, очень часто бывает так, что Совет, голосование не приводит к лучшим решениям - история с этим уже познакомилась через кровь. Смотрю я на этот Верховный Совет... Даже новое слово придумали - депутаны. Есть депутаты, а есть депутаны - там таких больше. Мне кажутся иллюзорными все эти Советы, голосования, все решают, решения справедливы. Что-то я в последнее время мало верю в то, что голосовать будут за то, что действительно высоко.

Меня человек интересует, а политика - это вещь однодневная, бабочка. А сейчас, чем больше свободы, тем более человек становится одинок."

- Как ты, в связи с этим, определяешь для себя понятие свободы?

Ю.Ш.: "Это одиночество, если говорить абсолютно, полное одиночество, никаких коллективных отношений. Суть свободы - рядом со смертью, рядом с Богом. Я, конечно, не теоретик, но моя гипотеза такая: вот человек, у него три составные - тело, душа, сознание. Человек-отшельник - отдаляется от тела, у него душа и сознание. Человек без тела, а имеющий только душу - это юродивый. Человек с телом и сознанием - сами знаете кто. А душа, она - вот, это уже смерть, это и есть свобода.

Человек - очень сложное существо. Он настолько заземлен, с одной стороны, с другой стороны, утопичен... Я сейчас много читаю о 17-м, перевороте Октябрьском. Любовь, идеалы вечного братства... Федор Михайлович со своими слезами, Лев Николаевич со своим уходом... Но включились механизмы, и началось, и все! Где эти идеалы?!

Человек потому и есть человек, что он не есть только идея. Господь сделал страшную запутку, когда дал ему три эти штуки, в них и есть все противоречие. Меня не политика интересует, а человек. Он во мне, я живу с ним, мучаюсь, как человек пишущий, рассматривая его в разных качествах. Может, рядом и анархия скачет на вороном коне..."

- Только не на ржавом...

Ю.Ш.: "Нет, на вороном. И когда меня спрашивают, о чем я писал в эпоху т.н. застоя, я говорю: "Господа, я раньше писал о человеке, смотрел на него в застойной среде, а сейчас в этой, перестроечной."

- А какая она, эта "перестроечная среда", продолжает сохраняться "предчувствие гражданской войны"?

Ю.Ш.: "Очень хочется верить, что мы сможем избежать этого. Если бы не было этой веры... Мои родители были детьми репресссированных. Их судьба - это судьба многих. Как страшно говорить, что для нас это - естественная судьба, для нашей страны это естест-

венно. Люди сейчас страшно запутаны, и такие, как вы необходимы, потому что массам нужна сильная личность. Не важно, кто это будет - Ельцин или Лигачев. И это ощущение... это ужасно. Мне не верится, что кто-то из них будет лучше или хуже. Это одинаково ужасно. Сильная личность всех накормит, кое-кого постреляет. Как великолепно это сделал Адольф Гитлер - весь народ накормил, всех проституток перестрелял. И удивительная страна Гете и Шиллера - Германия была довольна. А у нас? - это о чем-то говорит... Или Ельцин - необольшевик, который,как большевики в 17-м, забил народу бабки тем, что обещает отнять и поделить все то, что наворовано... Или та же Нина Андреева. Просто кому-то очень нужно, чтобы она была одиозной фигурой, символом. Кому-то выгодно, чтобы сверкала Нина Андреева, чтоб на ее фоне обделывать свои темные делишки. Жалко их... сироты..."

- Если главным для тебя является человек, то какую роль в этом играет форма выражения твоего отношения к нему, то есть, рок? Что вообще можно считать рок-н-роллом, в чем его критерий?

Ю.Ш.: "Каждый, кто здесь работает, считает, что он и есть рок-н-ролл. А если серьезно...

Рок-н-ролл - это любовь, но любовь в каком-то другом понимании, не в обыденном. Меня часто спрашивают: "Юра, а у тебя есть хоть одна песня про любовь?" Я говорю: "Вы что,у меня все песни про любовь..." Так же и рок-н-ролл. Что я о нем могу сказать? Да я о нем вообще ничего не могу сказать. Просто он есть, он - в нас... Я могу много теоретизировать, говорить, что это свежая кровь, что это нашествие варваров на Рим и т.д."

- Но все же, рок - это истоки или что-то абсолютно новое?

Ю.Ш.: "Это все вместе. Это, во-первых, энергетика. Во-вторых, это и свежая кровь. А у нас - это и Слово, прежде всего, синоним правды. Мне всегда, еще в те года, было приятно слушать, когда ребята начинали спорить: "А вот Высоцкий - это кто, рокер, или не рокер?" Никто же не спорил о том, кто был Лещенко, никому это и в голову не приходило. Посыл-то ясен... Косвенно, конечно, но это тоже говорит о многом, о том, что все это очень серьезно. Конечно, это варварство, но варварство - это возвращение к язычеству, к простоте. В искусстве это бывает всегда. Это мы и называем рок-н-роллом. Многие говорят, что это кощунство, это бред, это жлобство: где же "искюйство"? Но, на самом деле, это свежая кровь, которая была необходима изрядно одряхлевшему искусству. Во-вторых, рок-н-ролл возник не случайно после этих ужасных войн, когда слова, что искусство спасет мир, казались в очередной раз конкретной неудачей. Рок-н-ролл еще раз показал, что у нас есть жизненные силы. Он показал, что мы еще раз смогли все начать заново. Так же как ваша анархия...

Россия, конечно, последняя страна, которая дала ему мощь, глубину, печаль, тоску, дала "российский блюз". И, прежде всего, дала ему Слово. Рок-н-ролл был своего рода сабельным ударом. Потом искусство будет утончаться, в очередной раз, усложняться, заговорят другие орудия. Но рок-н-ролл был подачей в этой жуткой стране, где, казалось, уже - все, уже - ничего нет, а он - бах... запищал! Сейчас, правда, уже не то... Рок перестал быть альтернативой, перестал быть движением. Он переливается в разных качествах. Эстетику формы во многом взял попс, поскольку сейчас мещанин уже понимает то, что не понимал 10 лет назад. Как всегда... Импрессионистов тоже сначала не понимали, потом к ним привыкли. Мещанину главное - дать время привыкнуть..."

- А легендарный underground, что это на сегодняшний день?

Ю.Ш.: "Сейчас все сложно так, как-то все не то. Время такое - мало тех, кто пишет что-нибудь хорошее. Раньше все мы верили в какие-то иллюзии. Как ни парадоксально, но они нам сейчас кажутся иллюзиями, а тогда они не были иллюзорными, весь этот underground, братство. Все это лопнуло, как мыльный пузырь. Мы ведь тоже в своем роде коллектив, и ты тоже ангажирован underground'ом. И ты в нем, кстати, страшно несвободен, по большому счету. Потому что чуть что, тебе сразу скажут: "А-а-а! Продался!" Сейчас все эти иллюзорные коллективные связи начали рушиться. Наша эпоха дала человеку возможность побыть с самим собой наедине, и все разбежались из этого корабля, называемого underground'ом. Каждый идет своей дорогой, каждый в меру сил свободен и одинок. Многие это мучительно переживают. Лопнула масса королей квартирных, много погибло, но мы остались. Сейчас время такое - каждый "тихо сам с собою" ведет беседу. Разбирается и сомневается, чувствует, что надо что-то делать. А опыт жизненный подсказывает, что тут надо быть очень осторожным, чтобы не наломать дров. Если не знаешь, куда вести - лучше эту паству оставить в покое. Сложная ситуация для таких, как я. Я прожил какую-то жизнь, родился-то вообще в Магадане, на Колыме, стоял в очередях за хлебом пацаном во времена Хрущева. Плакал, когда меня принимали в пионеры, и совершенно послал всех, когда выгнали из комсомола. Я прошел вместе со своей страной все то, что мог пройти такой, как я. И мой жизненный опыт говорит, что сейчас надо посидеть и подумать".

- У нас давно стало традицией, что гениев поднимают на щит только после смерти. Недавно вспомнили о Башлачеве. Ты знал его раньше?

Ю.Ш.: "Я Сашу знал достаточно давно. Мы с ним познакомились в 82 году, когда он еще не писал этих песен. Как отношусь? Хорошо отношусь. Бить себя в грудь, пускать слезы не буду. Я не верю в слова, что поэта убило общество, страна, враги. И Пушкина, я считаю, не Дантес застрелил и не царь. Поэт доходит до такой границы, приходит к какому-то новому качеству, когда ему не пишется уже и не живется. Всего лишь. Нормальная жизнь, нормальная смерть - горя нет. Вернее, горе есть, но нет этого визга. Начинают все выть. Я сам раньше выл: "А-а, а чтобы он написал, если бы был жив?" А сейчас спрашиваю себя: "А не написал бы он кучу дерьма?" Написал бы. Господь таких любит и потому забирает. Господь не любит Вознесенских, Николаев Тряпкиных. Не любит Гребенщикова."

- А ты его любишь?

Ю.Ш.: "Как понять - не люблю?! Я его просто не считаю поэтом, он им никогда не был. Он бухгалтер, арифметик, математик. Хлебников тоже был математиком, но он был поэтом, а у Гребенщикова - не вышло. Поэтому он и дернулся в Америку. Есть две породы певцов - один всю жизнь одну песню пишет, а другой завоевывает пространства. Завоевал Россию, куда надо? В Европу! Потом куда? В Америку! Потом в Австралию... И все надо завоевывать, покорять. Ну а поэты этим не занимаются. Россия - это пространство, которое не преодолевается посредством скорости."

- Разговор явно клонится к "загадочной русской душе"?!

Ю.Ш.: "Я об этом думал как-то с похмелья, и нашел для себя ответ, не знаю, подойдет ли он вам. Это когда печаль и радость одновременно. У Башлачева в "Ванюше" это есть. Саша был настоящий поэт, без всяких. Изумительный был человек, самый талантливый из всех нас, как Пушкин, что ли..."

- Как ты связываешь стихи и музыку? Всегда ли для тебя стихи - это только тексты или же у тебя бывают вещи, к которым не нужен аккомпанимент?

Ю.Ш.: "Стихи становятся стихами тогда, когда в них уже есть музыка. Когда гитара не нужна, и она становится ложкой дегтя. Поэтому мне не очень нравятся романсы на стихи Пушкина, хотя бы это был и Чайковский.

У меня стихи есть, но это целиком лирика. Вот, например:

ОСЕНЬ

Осень. Небо. Хлебы. Снеги.
Чистота холодных глаз.
Лето, лето на телеге
Укатилося от нас.
Лета - нету. Как кометы
Блещут листья на ветру.
Осень - крики без ответа.
Осень - вера в тишину.
Скоро вьюги и метели,
Скоро смерть заговорит.
Только ели еле-еле
Зеленея греют вид.

Или вот еще, такой детский стишок про меня:

Вот на столе аквариум,
В нем плавает карась.
Зеленый, недоваренный,
Порезаная пасть.
Его, рыбешку скромную,
Лихие рыбаки
Забрали ночью сонного
Из озера-реки.
Бедняга глупо тычется
В прозрачное стекло.
Эй! Масло, соль отыщется?!
Поджарьте нам его.

- И последний вопрос: так что же такое "ДДТ"?

Ю.Ш.: "Дуст".

- И все?

Ю.Ш.: "И все."

НА 2 СТР. - РИСУНОК Ю.ШЕВЧУКА

ХОДИЛ МОИ ПОХОДАМИ

7 ноября 1989 года от рождества Христова на территории столицы, в городе-герое нашего времени Москве чуть было не восторжествовала временная демократия. Некоторые, впрочем, наивно полагали, что она восторжествует с этого дня и до скончания веков. Именно на этот "красный день календаря" Московское объединение избирателей запланировало проведение "оппозиционного действа", сиречь демонстрации, которую само же МОИ скромно окрестило "альтернативной". Очевидно, демонстрацию на Красной площади МОИ подсознательно все же воспринимало как основную.

Рекламу сего мероприятия МОИ развернуло солидную. По примеру Остапа Ибрагимовича сияющие дали были расписаны в розовые тона. Застенчивый "объединившийся избиратель" ожидал, как минимум, манифестации перед мавзолеем, Ельцина на белом броневике. Избиратель жаждал увидеть Михаила Сергеевича, дрожащими руками спешно вычеркивающего статью 6 из Конституции. Но, как это водится в стране Советов, от бублика осталась лишь маломатериальная дырка. Явившись "на площадь в назначенный час", то бишь к восьми утра на ст. метро "Динамо", демократические силы города Москвы с удивлением обнаружили, что поведут их не по брусчатке, а лишь к спорткомплексу "Олимпийский". Причина изменения маршрута, как сообщила представительница МОИ (Тушинский клуб избирателей), заключалась в том, что на предварительной встрече в Моссовете лорд-мэр Сайкин и два генерала (которых Сайкин прокормил-таки!) - Богданов и Мыриков "предлагали нам хоть пляски на стадионе, хоть столы с икрой, лишь бы мы не шли на Красную площадь".

Поскольку маршрут был изменен, нам остается лишь предположить, что МОИ выбрало икру. Мало того, обманув ожидания демократов, МОИ не остановилось, а пошло дальше, дальше... С прибывавшими к месту сбора неформалами происходил следующий "казус" - представители МОИ ласково, но настойчиво предлагали им либо идти в хвосте, либо образовывать свою собственную колонну.

Но вот колонна дрогнула, вздохнула, внутренне перекрестилась и... пошла. Двигалась она неуклонно и необратимо, хотя и довольно медленно. С удивлением выглядывавшие из окон домов "непосвященные" могли прочесть следующие лозунги, гордо реявшие над буйными демократическими головами: "Ельцин - проснувшаяся совесть КПСС", "Народ и армия едины!", "72 года на пути в никуда" и т.д. Однако, на первой же развилке выяснилось, что, в отличие от народа и армии, манифестанты далеко не так едины. "Радикалы" попытались направить колонну на штурм тоталитаризма, то есть к Кремлю. Таким образом, тот факт, что тоталитаризм устоял и на этот раз, необходимо целиком и полностью отнести на счет МОИ, успешно выполнившего роль сил сдерживания.

Сначала шли молча. Затем в голове колонны (ее вел Зеленоград) начали зарождаться какие-то комсомольско-молодежные настроения, делались попытки запеть "Катюшу" и "Ой, цветет калина...". Для полноты картины не хватало только песни "Не расстанусь с комсомолом". Но вскоре одобрительный рокот заглушил песнопения: к колонне стали присоединяться народные депутаты - Андреев, Гдлян и др. Депутаты образовали свою номенклатурную депутатскую цепочку и начали независимо демонстрировать. Присутствие свободомыслящих депутатов вдохновило демонстрантов на скандирование революционных лозунгов: "Ель-цин!", "Тель-ман Гдлян!". Самое решительное было: "Ли-га-че-ва долой!", весьма напоминавшее издали "Спар-так - чемпион!". Все это перемежалось с криками "Ура!" и "Долой!", которые вообще неизвестно к чему относились.

Вот тогда-то и произошел тот раскол, который давно назревал и о котором так долго говорило МОИ.

На Новослободской улице самые непримиримые демократы, не выдержав, наконец всех гнусностей либерализма, вышли из основной колонны и ... нет, не пошли к Кремлю, а образовали свою собственную "демократическую колонну".

В этот момент каждый желающий мог подсчитать, сколько в СССР метров от демократии до либерализма. Неукротимая колонна, состоявшая из активистов ДС и РНФ, вырвалась вперед ровно на 60.

Тогда, с целью подчеркнуть коренное отличие от "экстремистов", МОИ остановило свою колонну и стало выжидать, покуда те не скроются с глаз долой. Демократы же, увидав что тылы отстают, вдруг осознали, что последствия могут быть самыми печальными, а посему - тоже встали. Простояв так некоторое время и убедившись, что в этом пункте демократы принципами не поступятся, МОИ, вздохнув, двинулось вперед. "Товарищи, - говорили распорядители, - нам некуда спешить, идем прогулочным шагом".

Для поддержания революционного духа обновления, проходя мимо Бутырок, демонстранты начали скандировать - "Сухарева долой!". Наиболее человеколюбивые шли несколько дальше - "Сухарева в Бутырки!".

Так, мило и непринужденно развлекаясь, обе колонны подошли к "Олимпийскому". Там собравшиеся узнали, что (по оценкам МОИ) их численность на тысячу превышает число прошедших по Красной площади и составляет 104 тысячи. По другим оценкам (не столь объективным и беспристрастным) общая численность снижалась в 9-13 раз.

Своеобразным "гарниром" к шествию стал митинг, о котором можно сказать словами представителя МОИ Боксера: "Истина - проГДЛЯНется". Как говорится, тут не убавить, не прибавить.

После выступлений нардепов Андреева, Гдляна, Мурашова, Кузьмина, а также некоторых представителей "от неформалов", митинг был объявлен законченым и микрофон отключили. Но, не тут-то было! Демократы, не сумевшие в "свой назначенный час" посеять разумное, доброе, вечное, стали рвать друг у друга из рук мегафон и соревноваться в знании статистических данных о количестве жертв тоталитаризма, последовательно увеличивая их численность (от 98 млн. к 102 и далее). Одновременно крепчал мороз, который, в конце концов, и заставил демократов разойтись.

Из сего, несомненно, богоугодного мероприятия, осталось все же неясным - какую цель оно, собственно, преследовало (если не брать во внимание демонстрацию руководящей и направляющей роли МОИ)? Ну, "вышли на площадь", а зачем вышли-то?

А. ВЛАДИМИРОВ

ХРОНИКАС

1 ДЕКАБРЯ. ДНЕПРОПЕТРОВСК. Член Конфедерации анархо-синдикалистов Олег Дубровский был вызван к прокурору Индустриального района Слепцову, который потребовал прекратить распространение листовок "будоражащих население". Прокурор предупредил, что скоро в стране произойдут крутые перемены, которые дадут возможность давить оппозицию не опираясь ни на какие законы. Так же прокурор выразил надежду на восстановление формулировок статей 70 и 190-прим. Ненасилие было расценено им как ширма, которой анархистам и националистам выгодно сейчас прикрываться.

"Я вижу вас бесполезно уговаривать. Скоро наша власть начнет защищаться по-настоящему"- закончил беседу прокурор Слепцов.

* * *

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ. В девятом номере журнала "Век XX и мир" под заголовком "Неформалы против насилия" опубликовано обращение 1 съезда КАС к независимым общественным организациям страны о недопустимости применения клеветы и насилия для достижения своих целей.

Подписка!

Для подписки на "Общину" и "Волю" вышлите по адресу: 129 642, Москва, проезд Дежнева, д.9, к.1, кв.89, Букетову Кириллу Александровичу, перевод на 5-6 номеров вперед из расчета около 2 руб.за экземпляр "Общины" и 50 копеек за экземпляр "Воли" (цены ориентировочные) + почтовые расходы.

"ВОЛЯ", газета Московской организации КАС N 4.
РЕДАКТОРСКАЯ ГРУППА: Василий ГРУШИН, Владимир ПОТАПОВ, Михаил ЦОВМА, Александр ШЕРШУКОВ. ОФОРМЛЕНИЕ: Николай ЛЫСОВ.
Пишите нам по адресу: 113 209, Москва, ул. Болотниковская, д.38, кор. 6, кв. 47, ШЕРШУКОВУ А.В.